

А.Р.АРТЕМЬЕВ

Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья

В результате археологических исследований монгольских городов XIII–XIV вв. Восточного Забайкалья, самый крупный из которых был возведён ханом Есунгу, племянником Чингисхана, получены новые материалы об уровне развития ремесла, торговли, скотоводства и земледелия оседлых монголов.

New data on ancient Mongolian towns of East Transbaikalia. A.R.ARTEM'EV (Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Far East People, FEB RAS, Vladivostok).

The paper presents new archaeological data on handicraft, trade, cattle-breeding, and agriculture of settled Mongolian people in towns of XII–XIV centuries.

Средневековые города Восточного Забайкалья XIII–XIV вв. весьма немногочисленны. Это неудивительно, поскольку основным населением региона были кочевые племена, вошедшие в 1206 г. в состав образованного Чингисханом монгольского государства. На всей территории Монголии к 1970 г. было открыто всего 3 поселения XIII в. и 17 – XIV в. [18, с. 38, 39], а в сводке Х.Пэрлээ 1974 г. фигурируют 23 древнемонгольских города [25, с. 272]. К настоящему времени, согласно опубликованным данным японского исследователя Сираиси Норюки, города XIII–XIV вв. на территории Монголии представлены 16 памятниками [29, с. 138, рис. 52]. Однако большинство городов использовались сезонно, когда на их территории ставились юрты, палатки, павильоны, и потому были мало застроены [35, с. 32, 33].

Впервые остатки памятников оседлых монголов были обнаружены в Забайкалье первой экспедицией императорской Академии наук во главе с Д.Г.Мессершмидтом, посланной для изучения края в августе 1724 г. Это были развалины двух городских поселений в юго-восточном Забайкалье на правом берегу р. Барун-Хундуй, впадающей в р. Урулюнгуй, левый приток р. Аргунь, и вблизи речки Киркира, также впадающей в Урулюнгуй [24].

Первые серьёзные исследования Кондуйского городка произвёл в 1889 г. читинский краевед А.К.Кузнецов, который, кроме того, обнаружил севернее с. Кондуй, в

АРТЕМЬЕВ Александр Рудольфович – доктор исторических наук (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток).

Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ (проекты № 01–01–18002е, 02–01–18048е, 03–01–18054е, 04–01–18071е) и гранта Президиума РАН в рамках программы «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

пади Ноцуй ещё одно поселение оседлых монголов [16, с. 25–47]. В 1957–1958 гг. на территории Кондуйского городка (в 10 км к югу от с. Кондуй Борзинского р-на Читинской области) экспедицией члена-корреспондента АН СССР С.В.Киселёва в раскопе площадью 2500 м² были целиком вскрыты остатки великолепного дворца с 37 каменными базами от колонн, кирпичными полами, черепичной крышей. Отливы черепиц крыши и драконы по ее углам были покрыты зелёной, жёлтой и красной поливой, эти цвета свидетельствовали о принадлежности владельца дворца к императорской фамилии. Террасу украшали фигуры 124 гранитных драконов трёх типов, а сам дворец окружали флигели и беседки. Исследователь датировал памятник XIV в. [10; 11, с. 113–119]. По мнению известного историка архитектуры Л.К.Минерта, «в центральном ансамбле Кондуйского дворца в более развитом виде повторена архитектурно-пространственная организация комплекса дворца Угэдэя», возведённого по велению великого хана в 1235 г. в столице монгольской империи Каракоруме [19, с. 203; 20, с. 99].

Остатки другого города в 1957 г. также отыскал С.В.Киселёв, который убедительно доказал, что найденная в начале XIX в. каменная стела с надписью («Чингисов камень») была обнаружена именно вблизи этого памятника [8, с. 103–105; 9, с. 53–57]. Эта стела (рис. 1) хранится сейчас в Государственном Эрмитаже. Надпись на ней в переводе ученого монголоведа Д.Банзарова с бурятского гласит: «Когда Чингис-хан, после нашествия на народ сартагул (хивинцев), возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Сучигае, то Исунке (Имя хана Исунке, или Есунге, здесь приводится как Есунгу (хан Есунгу, город хана Есунгу), так как мы считаем, что такой перевод более точен. – *Авт.*) получил в удел триста тридцать пять воинов хондогорских» [1, с. 113]. События, описанные на стеле, произошли в 1225 г. после возвращения из похода на державу хорезмшахов.

В 1959 г. С.В.Киселёв предпринял на территории памятника (Приаргунский р-н Читинской области) раскопки, в ходе которых исследовали половину дворца в центральной (предположительно ханской) усадьбе города; прорезали восточный вал и ров этой усадьбы; также было раскопано центральное здание в одной из усадеб в восточной части города и «дом кузнеца» на его северо-восточной окраине. Эти исследования выявили прекрасную сохранность памятника, постройки которого выполнены из сырьцового кирпича, а крыша дворца – из орнаментированной черепицы [8; 9; 11, с. 109–113, рис. 3, 4].

Рис. 1. Каменная стела 1225 г. с надписью («Чингисов камень»). Государственный Эрмитаж

Этот памятник исключительно интересен тем, что расположен на территории улуса младшего брата Чингисхана, Джочи-Хасара, и был возведён его сыном, видным государственным деятелем своей эпохи ханом Есунгу.

Старший из четырёх братьев Чингисхана, Джочи-Хасар, был моложе его на два года. Если мусульманские авторы правы, и Чингисхан родился в 1155 г., то Джочи появился на свет в 1157 г. Прозвище Касар, или Хасар, что означает дикий зверь, он получил за физическую силу и стремительность. По словам Рашид-ад-дина, ему говорили, что плечи и грудь Джочи были так широки, а талия так узка, что когда он лежал на боку, собака спокойно проходила под его боком. Сила же его была такова, что он брал человека двумя руками и складывал его пополам, как стрелу, ломая ему при этом хребет [26, с. 51].

Отношения между братьями не всегда были равными. Описан случай, когда Джочи уходил от Тэмуджина к Ван-хану и даже оставил у него свою семью. Однако потом сам же участвовал в его разгроме [26, с. 131–134; 32, § 183, 184]. Однажды Джочи оговорил перед Чингисханом, обвинив в желании узурпировать власть. Старший брат связал младшего и уже приступил к суровому допросу, когда об этом узнала их мать Оэлу-уджин, которая обругала Тэмуджина и освободила Джочи. Чингисхан успокоил разгневанную мать, но затем тайно от неё отобрал у Хасара большинство людей, оставив ему только 1400 юрт. Оэлу узнала об этом, и огорчение ускорило её кончину [32, § 244]. Тем не менее в пору самых грозных испытаний, во время войны с Таян-ханом, государём найманов, Чингисхан в решающей битве повелел Хасару возглавить центр войска. В этом сражении Джочи проявил столько рвения и отваги, что Чингисхан навсегда выделил его и его потомков из числа своих братьев и их сыновей. Только они, согласно летописи Рашид-ад-дина, имели право сидеть на курилтаях и пирах наравне с чингисидами, а не среди других эмиров [26, с. 51]. Впрочем, на других страницах своего повествования, говоря о младшем брате Чингисхана, хане Тэмугэ-отчигине, тот же автор сообщает, что «Чингис-хан любил его больше других братьев и сажал выше прямых потомков двух других братьев. Его прямые потомки до сих пор сидят выше прямых потомков двух других братьев» [там же, с. 53]. То же самое Рашид-ад-дин повторяет в той части своего труда, где рассказывает о разделе войска между сыновьями, братьями и племянниками Чингисхана. Именно здесь, по-видимому, содержится более реальная информация об отношении основателя империи к своим братьям и племянникам. Согласно этим данным, младший из трёх братьев Чингисхана, Отчигин-нойон, получил 5000 войска. Сын второго по старшинству брата Качиуна – Элджидай-нойон, получил 3000 войска, а три сына Джочи-Хасара – Еку, Туку и Есунгу – всего 1000 воинов [там же, с. 55, 277]. Учитывая, что о заслугах младших братьев, за исключением любви Отчигина-нойона к строительству дворцов и созданию садов, ничего не известно, можно заключить, что при разделе войска великий хан руководствовался вовсе не вкладом их в его возвышение, а их лояльностью и покорностью, резко контрастировавшими с активной жизненной позицией Джочи-Хасара.

Что же касается рассказов о распрях между Чингисханом и Джочи-Хасаром, то они вошли в легенду. Когда последний император династии Юань Тогон-Тэмур в 1368 г. под натиском китайских повстанцев бежал из своей столицы Дайду, в произошедшей при этом стычке потомок Хасара погиб от вражеских ударов, расчищая путь императору. После этого и появилась пословица: «Потомок Хасара оказал помощь потомку Хагана» [37, с. 440, 441]. Намёк на несправедливое отношение великого хана к своему брату (при этом потомок Джочи-Хасара погиб, защищая потомка Чингисхана) очевиден.

У Джочи-Хасара было около сорока детей, но известность получили только трое – Еку, Туку и Есунгу. Причём в ярлыке Чингисхана приведены только имена Еку и Есунгу, а имя Туку в него не вошло. «Еку был низкого роста, Туку был ещё ниже, чем он. Есунгу был высокого роста, румян и имел продолговатое лицо и длинную бороду» [26, с. 51, 52]. Джочи-Хасар прожил, по крайней мере, до 1213 г. Во время похода на чжурчжэней он возглавлял войска левого корпуса и, следуя вдоль моря, привёл к покорности северную столицу Цзиньской империи [32, § 253]. Ко времени похода на державу Хорезмшахов в 1219 г. его уже, по-видимому, не было в живых, потому что Чингисхан повелел: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников» [там же, § 255].

После смерти Джочи-Хасара его место занял старший сын – Еку. В «Кратких сведениях о чёрных татарах», написанных южносунскими дипломатами, посетившими хана Угэдэя в 1233 и 1235–1236 гг., говорится о восьми лицах, узурпировавших титулы вместе с великим ханом. Одним из них, по мнению главного исследователя этого памятника, известного китайского учёного Ван Го-вэя, был Еку [15, с. 136, 146]. Отметим высокое положение среди царевичей, которое занимал в эти годы Туку, второй сын Джочи-Хасара. В 1235 г. он вместе с Кучей, сыном великого хана Угэдэя, был отправлен во главе войска в южный Китай на государство Южных Сунов. В ноябре–декабре монголы захватили и разграбили там провинции Хэнань и Хубэй [26, с. 36; 38, цз. 2, с. 5а]. В 1256 г. Туку снова участвовал в походе на Южных Сунов [26, с. 146]. После смерти Еку улус возглавлял его сын Харкасун. После него в 1251 г. это место занял его дядя Есунгу. По словам Рашид-ад-дина, «в эпоху Менгу-хана и Кубилай-каана заместителем Джочи-Хасара был Есунгу, слава и молва о нём широко распространились. Он входил в важные дела и в обсуждение государственных дел, и его весьма почитали, считались с ним. Согласно обычаю, он ведал всем войском и племенем отца и своих старших и младших родичей» [там же, с. 52].

Юрты и стойбище Есунгу и рода Джочи-Хасара располагались внутри Монголии на северо-востоке, вокруг оз. Далайнор и по рекам Аргунь и Хайлар, «поблизости от места юрта Джиба (двоюродный брат Чингисхана. – *Авт.*), Отчи-нойона (третий брат Чингисхана. – *Авт.*) и его внука Тукучара» [там же, с. 52].

Когда Чингисхан делил между своими детьми войско, он отдал сыновьям своего младшего брата Джочи-Хасара, которые были старшими в роде, Еку, Туку и Есунгу тысячу воинов и «сто человек из разных войск. Впоследствии это войско также находилось во владении и на попечении того лица из уруга Джочи-Хасара, которое занимало его место» [там же, с. 52, 277].

Хан Есунгу родился в 1185 г. и был третьим сыном Джочи-Хасара, старшего из трех младших братьев Чингисхана. Отношения между братьями не всегда были равными, но, несмотря на случавшиеся конфликты в самые трудные периоды для Чингисхана, Джочи-Хасар неизменно поддерживал брата [34]. Тот его, несомненно, ценил и в то же время остерегался. О расположении самого Чингисхана к Есунгу свидетельствует тот факт, что когда в 1223 г. в местности Онгон-Далан-кудук великий хан увидел «некий сон, который указывал на близость смертного часа», из царевичей возле него присутствовал только Есунгу. Именно у него Чингисхан спросил, далеко ли находятся его сыновья Угэдэй и Толуй и велел срочно послать за ними [26, с. 231, 232]. Надо полагать, что к этому времени Есунгу возглавлял кешиктенов – гвардию великого хана. Роль этого элитного подразделения, из среды которого формировался первый аппарат управления улуса великого хана, подробно исследована [17, с. 150–156].

В 1228 г., согласно данным «Сокровенного сказания монголов», Егунге участвовал в выборах на ханский престол Угэдэй-хана [26, § 269]. А в 1251 г. – в возве-

дении на престол Менгу-каана. Во время его правления, по данным Рашид-ад-дина, «несколько старших жён Джочи-Хасара были ещё в живых, и он их уважал и почитал» [26, с. 52; 27, с. 131, 132]. В 1256 г. хан Есунгу в составе войска из «тридцати туманов» участвовал в походе на южный Китай, а в 1260 г. активно поддерживал незаконно захватившего престол великого хана Хубилая, которому противостоял законный наследник, христианин хан Ариг-буга, и в 1264 г. участвовал в суде над последним [26, с. 52; 27, с. 36, 145, 146, 158–167].

Дата смерти хана Есунгу нам не известна, но Рашид-ад-дин сообщает, что во время правления Хубилай-хана (1260–1294 гг.) местом и улусом Джочи-Хасара ведал сын хана Есунгу Амакан. Также при Хубилай-хане сын Амакана Шиктур был заместителем отца. Этот Шиктур объединился с внуками Тукучара (Тукучар – сын Отчи-нойона, младшего брата Чингисхана), а также с Шинлакаром из уруга Элджидай-Нойона (Элджидай-Нойон – сын Качиуна, брата Чингисхана), с Эбугэном из рода сына Чингисхана – хана Кулкана (погиб в походе на Русь при штурме Коломны), с уругом Кутана (сына Угэдей-хана) и другими царевичами. Они составили заговор против Хубилай-хана, намереваясь сделать великим ханом внука Угэдея, Кайду-хана. Заговор был раскрыт. Хубилай сам повёл войско, схватил их, некоторых казнил, а войска их разделил между другими [26, с. 52, 53, 56].

К этому времени, т. е. к концу XIII в., улус Джочи-Хасара процветал. Хубилай-хан велел для пробы сосчитать его уруг, и оказалось, что он состоял из 800 человек. Он сказал: «Как же [случилось, что] от потомков Джочи-Хасара, которых было всего сорок человек, народилось восемьсот человек, а от [потомков] Бэлгутая (брат Чингисхана. – *Авт.*) и Джауту (сын Бэлгутая. – *Авт.*), которых было сто человек, тоже народилось восемьсот человек, и больше нет!» Затем он сказал: «Уруг Джочи-Хасара могущественный и богатый, а уруг Бэлгутай-нойона беден, потому они и размножились меньше» [26, с. 57].

Судя по датировке усадьбы II на западной окраине города (1330–1420 гг. по ¹⁴C), после разгрома заговорщиков Хубилай-хан не ликвидировал улус потомков Джочи-Хасара. Многочисленные представители этой ветви продолжали жить и действовать в различных частях империи. Ещё при Угэдей-хане (1229–1241 гг.) хан Чагатай прислал из своего улуса послов с просьбой доложить: «Лиц, с которыми мы водим тесную дружбу и с которыми мы едим и пьём вино, стало меньше. Если бы каан пожаловал [нас] и из этих людей прислал несколько человек, он был бы [истинным] правителем!» Угэдей-хан приказал отправить к Чагатаю несколько человек из улуса Джочи-Хасара, в том числе и его сына от рабыни Каралджу, с которым в далёкий путь отправилась по собственной инициативе его приёмная мать Алтунхатун с внуком Джиркидаем [26, с. 54]. Так образовалась иранская ветвь потомков Джочи-Хасара. Вообще же наибольшим возвышением его потомков следует считать возведение на престол в 1336–1337 гг. в Табаристане, небольшом государстве на южном побережье Каспийского моря, праправнука Хасара по имени Тога-Тимур [2, с. 146; 14, с. 175].

Мы начали наши исследования города хана Есунгу в августе 1997 г. с выяснения его топографии. Остатки городских построек и стен усадеб из необожжённого кирпича хорошо сохранились и возвышаются над землей на 0,3–1,5 м, что позволяет изучать планиграфию памятника визуально. Именно поэтому тогда нами была начата (продолженная в 1999–2004 гг.) более точная и подробная инструментальная съёмка плана города. На сегодняшний день полученные материалы позволяют судить о его топографии достаточно обоснованно. Основное городское ядро памятника, по уточнённым с помощью аэрофотосъёмки данным, имеет протяженность 1,9 км с запада на восток и до 0,7 км с севера на юг. Таким образом, его

площадь составляет около 130 га и превышает по этому показателю столицу Монгольской империи в 1220–1257 гг. Каракорум, территория которой, согласно плану Н.Сираиси, не превышает 100 га [29, рис. 61]. На территории памятника выявлено 4 больших группы усадеб, сконцентрированных к северу от расположенных в одну линию с запада на восток на расстоянии 0,3–0,35 км друг от друга. Наиболее значительная из этих групп расположена к северу, северо-западу и северо-востоку от крупнейшей, предположительно ханской (условно – центральной), усадьбы города квадратной планировки размерами 160 x 150 м (24 000 м²) и состоит примерно из 30 усадеб площадью от 500 до 2000 м². В 0,35 км к западу от центральной усадьбы города находится другая, почти таких же размеров (22 000 м²), имеющая в плане форму равнобедренной трапеции. Её границы надёжно читаются только на аэрофотоснимке. На её территории в северной части расположены 2 отдельные внутренние усадьбы, прямоугольные в плане, размерами 50 x 40 м (2000 м²), 40 x 30 м (1200 м²), на каждой из которых в северной части расположено по большой постройке. С севера к этой усадьбе примыкают не более 15 усадеб площадью от 1000 м² и менее. Также в 0,3 км к западу от этой усадьбы находится третья, прямоугольная в плане, размерами 130 x 80 м (10 400 м²). На её территории находится ещё одна, внутренняя, усадьба размерами 50 x 35 м (1750 м²), в северной части которой хорошо видны остатки большой постройки. С севера к ней примыкают не менее 20 усадеб размерами от 1500 м² и менее. Последняя (четвертая) крупная усадьба города расположена в 0,3 км к западу от предыдущей. Она имеет форму правильной трапеции, площадью около 5000 м². В её северной части хорошо прослеживаются следы постройки. К северу расположены остатки нескольких усадеб. Ворота всех четырёх крупных усадеб располагались посередине южной стороны ограды. Такая планировка города полностью соответствует монгольской традиции, согласно которой пространство к югу от входа в жилище главенствующего лица оставляли свободным [28, с. 92]. Отметим также, что между всеми четырьмя гнёздами усадеб и к северу от них прослеживаются остатки многочисленных жилых построек без оград, которые плохо различимы и совсем не видны на аэрофотоснимках.

В ходе работ 2000–2002 гг. в раскопе площадью 934 м² нами была целиком вскрыта усадьба монгольского феодала. Территория была окружена возвышающейся сейчас на высоту до 0,5 м четырёхугольной в плане оградой, сложенной из сырцовых кирпичей. В северной части усадьбы были открыты 3 примыкающие друг к другу, расположенные в одну линию постройки (рис. 2). В них хорошо сохранились отопительные конструкции в виде канов – лежанок из камня, под которыми по специальным каналам проходил горячий воздух из очага. Остатки крайней северо-восточной постройки (1) были представлены каменным двухсекционным каном Г-образной формы (рис. 2). Длина большей секции составляла почти 4 м, а меньшей – 2 м. В этой постройке были найдены: железная пешня (рис. 3, 7), большой чугунный сломанный черпак со следами ремонта (спайка оловянисто-свинцовой бронзы), а также 4 костяных грузика от ткацкого станка (рис. 3, 20–23). Последние назывались на Руси «ничёнками» и найдены, в частности, среди остатков ткацкого станка первой половины XIV в. при раскопках в Твери [21, с. 343, рис. 1].

Наибольший интерес представляли остатки центральной постройки (2), несомненно являвшейся местом проживания хозяина усадьбы. Её остатки представлены П-образной лежанкой, 2 длинных стороны которой сложены из камней и являются односекционными каналами (рис. 2). У обоих сохранились остатки очагов, оконтуренные камнями с прокалённой глиной между ними. Лежанка, соединяю-

Рис. 2. Город хана Есунгу. Северная часть усадьбы 1. Остатки построек. На переднем плане кан постройки 3

щая их, сложена из сплошного сырцового кирпича. Особый статус этой постройки подчёркивает исключительно аккуратно выложенная кладка пола из обожжённых кирпичей «в ёлочку», характерная для китайского домостроительства до нашего времени [8, с. 124, 125; 9, с. 47]. Находок в этой постройке, за исключением нескольких мелких фрагментов поливной керамики, не было, но за пределами её северного кана были найдены обломки чугунных котлов и фрагмент верхней части кувшина типа «цычжоу-яо» с коричневой росписью по белому фону, аналогичные которой из Каракорума были некогда подробно охарактеризованы Л.А.Евтюховой [4, с. 184, рис. 2–4; 6, с. 221–232, рис. 123–127, табл. XVIII].

Остатки постройки 3 были представлены Г-образным каном из каменных плит, каждая из секций которого имела длину 2 м (рис. 2). Великолепной находкой стал орнаментированный верхний жернов от ручного жернового постава. Он лежал на ребре с внутренней стороны северной секции кана и имел диаметр 40 см, толщину 10 см и отверстие диаметром 4 см. Промывка слоя у входа в эту постройку позволила обнаружить в полученной пробе 2 зерновки проса (*Panicum miliaceum*) и 5 фрагментов не менее чем от одной зерновки¹.

Южная незастроенная часть усадьбы использовалась в хозяйственных целях. На её территории открыто несколько ям, заполненных костями животных. Среди находок особый интерес представляют 5 костяных проколов (рис. 3, 14–18), аналогичные которым в Новгороде Л.И.Смирнова не без оснований связала с ткаческим производством [30, с. 152–154, рис. 1; 31, с. 240, рис. 3]. Встречено несколько обломков чугунных котлов, костяной наконечник стрелы (рис. 4, 6), собран по частям из разных квадратов почти целый сосуд типа «цычжоу-яо», покрытый молочно-белой поливой с внешней стороны и коричневой поливой внутри. Ещё один сосуд с

¹ Приношу благодарность Е.Ю.Лебедевой (лаборатория естественно-научных методов в археологии Института археологии РАН, Москва) за сделанное определение.

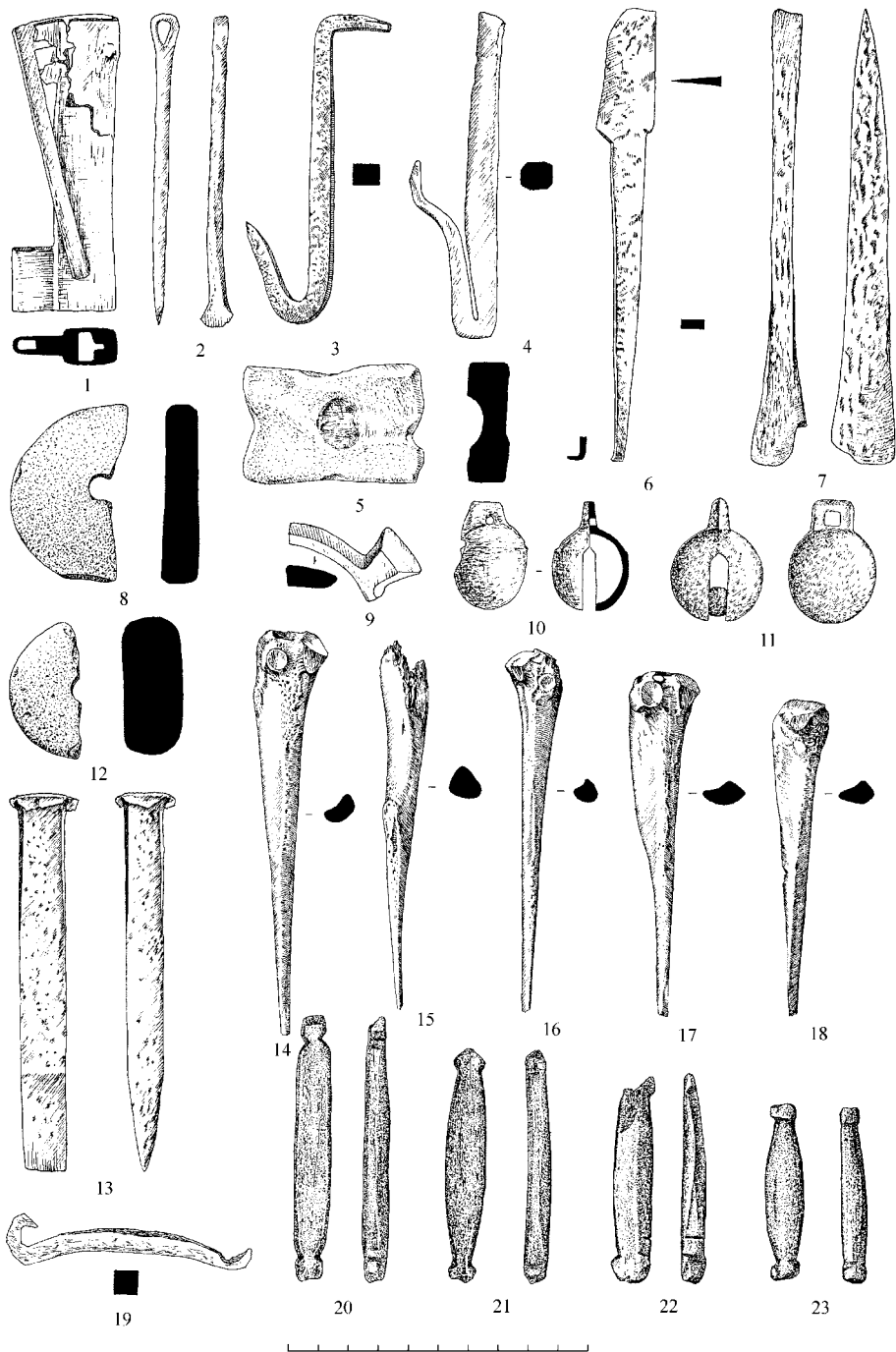

Рис. 3. Находки из раскопок древнемонгольских городов Восточного Забайкалья: 1–12, 14–23 – город хана Есунгу (XIII в.); 13 – Кондуйский городок (XIV в.); 1 – замок; 2 – ключ; 3 – крюк; 4 – свечек; 5 – игральная кость; 6 – нож; 7 – пещня; 8, 12 – пряслица; 9 – обломок втулки колеса; 10, 11 – колокольчики; 13 – зубило; 14–18 – орудия для ткачества; 19 – звено от удил; 20–23 – детали от ткацкого станка; 1–7, 10, 13 – железо; 5, 14–18, 20–23 – кость; 8, 12 – камень; 9, 11 – чугун

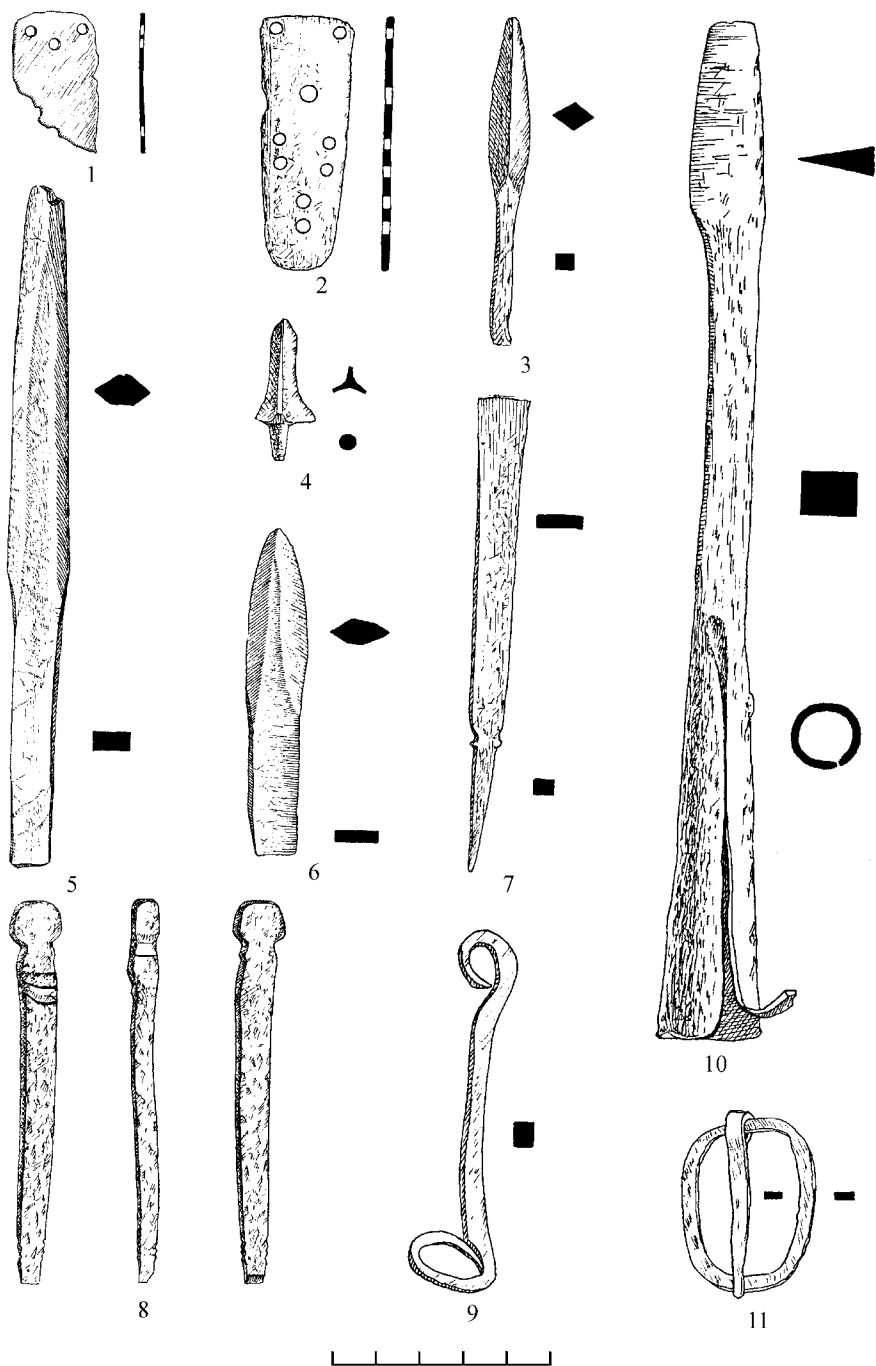

Рис. 4. Находки из раскопок древнемонгольских городов Восточного Забайкалья: 1-11 – город хана Есунгу. 1, 2 – пластины от панциря; 3-7 – наконечники стрел; 8 – антропоморфная фигурка; 9 – звено от удила; 10 – наконечник копья; 11 – пряжка; 1-4, 7-11 – железо; 5, 6 – кость

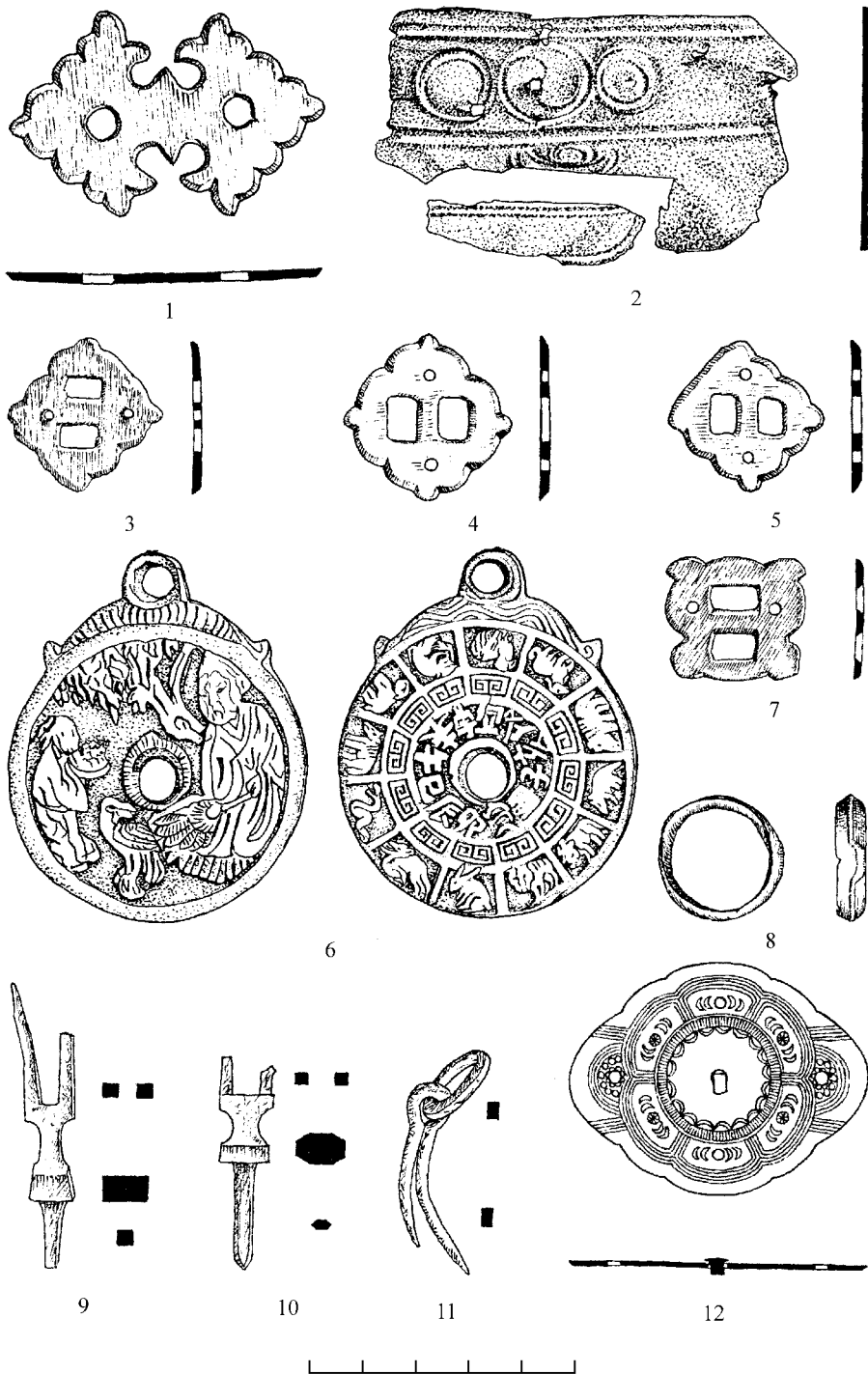

Рис. 5. Находки из раскопок древнемонгольских городов Восточного Забайкалья: 1–5, 7–11 – город хана Есунгу; 6 – поселение Широкое; 12 – Кондуйский городок (XIV в.). 1, 3–5, 7 – поясные накладки; 2 – накладка на лук седла; 6 – календарь; 8 – кольцо; 9, 10 – вилки; 11 – пробой с кольцом от седла; 12 – накладка; 1, 3–8, 12 – бронза; 2 – бронза с позолотой; 9–11 – железо

коричневой росписью по белому фону собран частично. Вообще же среди керамики как на территории жилищ, так и за их пределами преобладали обломки толсто-стенных сосудов типа хумов, покрытых зелёной поливой и достигавших большой величины.

Все остеологические материалы с территории усадьбы определены Е.А. Антипиной². Она идентифицировала вид около 77 % костей (всего костей было 953). Согласно заключению Е.А. Антипиной, 37 % костей принадлежали крупному рогатому скоту, 25,9 – лошади, 10,6 – мелкому рогатому скоту, 0,5 – собаке, 3 – верблюду, 0,2 – косуле, 0,1 – кабану и 0,1 % – сурку. По её мнению, анатомический спектр крупного рогатого скота полностью соответствует «кухонной» модели его использования на усадьбе. Лошадь и мелкий рогатый скот по основным параметрам анатомического спектра тоже вписываются в эту модель, но имеют ряд различий, требующих объяснения. Антипина пришла к заключению о том, что мало костей было искусственно раздроблено в процессе кухонной или иной разделки туш животных. Индекс раздробленности (ИР), который высчитывается путём деления коллекции из 953 костей на объём в 122 дм², составил 7,8. По-видимому, здесь мы имеем дело с одним из запретов ясы Чингисхана. «По поверьям, кости имели силу воскрешать из мёртвых, но только в том случае, если кости человека или животного не были разрушены; в противном случае сила пропадает. Этот запрет неизменно сохранялся в ритуалах: ни в коем случае не допускалось нарушение целостности костяка жертвенных животных» [39, с. 183, 184].

Раскопанная усадьба, несомненно, погибла в огне, о чём свидетельствует слой угля и пепла на её территории, а также трудно смываемый нагар на внешней и внутренней сторонах обломков поливной керамики. Перед этим усадьба, очевидно, подверглась разграблению: целых вещей там не обнаружено. Просуществовала она недолго, поскольку никаких следов её ремонта или перестройки не прослежено. Радиоуглеродный анализ угля из неё установил 2 даты: 1) Ле-6574. 710 ± 20 BP (лет т. н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 1272–1282 гг. (1,00) cal AD (1σ, 68,2 % вероятности), 1265–1288 гг. (1,00) cal AD (2σ, 95,4 % вероятности); 2) Ле-6576. 880 ± 35 BP (лет т. н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 1040–1090 гг. (0,31) 1120–1220 (0,69) cal AD (1σ, 68,2 % вероятности), 1040–1230 гг. (1,00) cal AD (2σ, 95,4 % вероятности). Для точной датировки их, естественно, недостаточно. Однако они свидетельствуют о возможной постройке усадьбы в третьей четверти XIII в., что подтверждает общепринятую дату основания города – 1225 г. (так датируется «Чингисов камень»), поскольку вторая линия усадеб, к северу от ханского дворца, где находится раскопанная нами, несомненно, была возведена позже него и первой линии усадеб. Напомню, что при исследованиях ханского дворца С.В. Киселёв пришёл к заключению, что дворец существовал недолго и датировал весь город началом XIII в. [8, с. 122; 9, с. 49].

В 2003–2004 гг. нами начаты исследования крупнейшей усадьбы города площадью 5000 м², расположенной на его западной окраине (рис. 2). В раскопе площадью 1887 м² в северной части усадьбы были открыты остатки здания площадью 261 м² колоннадного типа. Его крыша опиралась на 12 колонн, от них сохранились каменные базы (основания), на которых они стояли. Впервые был зафиксирован след одной из колонн – белый круг диаметром 0,25 м на закопчённой от топившегося

---

² Выражаю признательность Е.А. Антипиной (лаборатория естественно-научных методов в археологии Института археологии РАН) за сделанные определение и заключение, а также Г.И. Зайцевой (лаборатория археологической технологии Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) за анализы угля и дерева (приводятся ниже).

по-чёрному очага каменной базе. Также впервые достаточно чётко были прослежены остатки каркасно-столбовых стен и плетня, которые обмазывались глиной. Эта постройка, несомненно, была административного назначения. Об этом свидетельствует открытый в ней примитивный очаг, отопить которым такое здание в зимнее время, чтобы находиться в нём постоянно, было невозможно. О том, что в здании не жили и оно являлось присутственным местом, свидетельствуют также 14 фрагментов керамики, найденных там, и лишь 20 костей животных, в то время как их должны были быть сотни. Правда, среди фрагментов керамики присутствует экземпляр чаши типа «щычжоу-яо» с полихромной росписью красной и зелёной красками. Ранее сосуды такого типа были найдены только в Каракоруме [4, табл. II; 6, с. 233, 234, табл. XIX, XX]. Металлических находок только 2 – бронзовое мужское кольцо (рис. 5, 8) и бронзовая монета «Да-дин тунбао» империи Цзинь 1189 г.³ В одном из восьми образцов, полученных методом флотации культурного слоя из различных частей усадьбы, были обнаружены 2 зерновки проса. В том же образце зафиксированы мелкие карбонизированные фрагменты, которые могут быть остатками каши, хлеба или какой-то другой пищи, возможно с добавлением жира.

В северо-восточном углу усадьбы открыты остатки постройки с каном, где, по-видимому, проживала охрана. Там найдена роговая рукоять шила, бронзовое звено цепи и принадлежность от ткацкого станка, аналогичная найденным на незастроенной территории усадьбы 1.

Комбинированная радиоуглеродная дата по 10 образцам дерева и угля из раскопок 2003 г. – 1330–1420 гг. Ле-6907–6915, 6917. 561 ± 12 BP (лет т. н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 1330 AD (35,7 %) 1345 AD, 1395 AD (32,5 %) 1410 AD cal AD (1 σ , 68,2 % вероятности); 1325 AD (46,1 %) 1350 AD, 1390 AD (49,3 %) 1420 AD cal AD (2 σ , 95,4 % вероятности). Из подъёмного материала, собранного на территории города Есунгу, отметим 3 чугунных лемеха от плугов, обломки более 10 цюнов – втулок от колес различного диаметра (рис. 3, 9), днище большой жаровни, многочисленные обломки котлов и 2 колокольчика (рис. 3, 10, 11); железные серп, несколько ножей (рис. 3, 6); пряжки (рис. 4, 11); замок (рис. 3, 1); ключ с отломанной бородкой (рис. 3, 2); крюк для подвешивания вещей, вбивавшийся в стену (рис. 3, 3); светец (рис. 3, 4); 2 вилки (рис. 5, 9, 10); несколько звеньев от удил (рис. 3, 19; 4, 9); пробой с кольцом от седла (рис. 5, 11); 2 пластинки от панциря (рис. 4, 1, 2); наконечник копья (рис. 4, 10); 3 наконечника стрел (рис. 4, 3–7); антропоморфную фигурку (рис. 4, 8), по-видимому являющуюся так называемым сторожем дома, о котором писал Г. де Рубрук, побывавший в Каракоруме в 1254 г. [28, с. 94]; фрагмент орнаментированной бронзовой позолоченной накладки на луку седла (рис. 5, 2); 5 бронзовых поясных накладок

³ По заключению А.Л.Ивлиева, монета «Да-дин тунбао» чжурчжэньской империи Цзинь, достоинством в 1 вэнь, является уникальной. Такие монеты – наиболее массовые в этом государстве, выпускались при императоре Улу (Ши-цзуне, 1161–1189 гг.) начиная с 14-го года его правления, т. е. с 1187 г. Основная масса «Да-дин» не имеет каких-либо знаков на реверсе, однако известна монета со знаками «ю» и «шэнь» на оборотной стороне. Считается, что это обозначение циклическими знаками конкретного года выпуска. «Ю» соответствует году «цзи-ю» (1189 г.), а «шэнь» – году «у-шэнь» (1188 г.) [3, с. 102]. На чжурчжэньских памятниках Приморья находки «Да-дин» крайне редки. Только одна такая монета со знаком «ю» на реверсе была найдена в 1974 г. во дворе жилища № 104 на Шайгинском городище. При этом «Да-дин» без циклических знаков на реверсе найдено не менее двухсот. В нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа (в основном из Китая) из 71 монеты «Да-дин» 9 имели знак «ю» и 8 – знак «шэнь». Обращает на себя внимание и размер монеты из постройки на усадьбе 2, её диаметр равен 23,5 мм, тогда как стандартный диаметр «Да-дин» – 25,0–25,5 мм. В коллекции Эрмитажа наряду с монетами стандартного диаметра со знаком «ю» на реверсе есть монета с этим знаком диаметром 23 мм (№ 10521), встречаются и монеты диаметром 24 мм.

(рис. 5, 1, 3–5, 7); 4 обломка сосудов; костяную рукоять от шила, игральную кость (рис. 3, 5); 3 половинки каменных пряслиц (рис. 3, 8, 12) и 1 заготовку пряслица, а также точильные камни. Большинство предметов имеют прямые аналогии среди материалов из раскопок С.В.Киселёва в Каракоруме [5, с. 291, рис. 153, 1; 13, с. 207, 213, рис. 111, 115, 1; 116, 2; 23, с. 63, рис. 16, 2, 4, 6, 7]. Весьма разнообразна коллекция керамического материала. Она представлена уже упоминавшимися нами многочисленными обломками крупных толстостенных сосудов типа хумов, покрытых зелёной поливой, нередко с поясами гравированного орнамента в виде плетёнки; фрагментами сероглиняных и красноглиняных сосудов меньших размеров, а также чашами, вазами и горшками типа «щычжоу-яо» из фарфоровидной глины с коричневой (под глазурной) росписью на белом фоне. Среди последних – один обломок вазы из серого теста с коричневой росписью по белому фону, поверх которой нанесена полива бирюзового цвета. В материалах из раскопок Каракорума в 1948–1949 гг. такая керамика представлена всего четырьмя фрагментами и, по мнению Л.А.Евтюховой, там вазы с бирюзовой глазурью были редкими и ценными [6, с. 236, 237, табл. XXII, 3, 8]. В меньшем количестве встречены обломки сосудов хэнаньского типа с поливой коричнево-красного и чёрного цветов. Среди них – обломок горшка из желтоватой глины, покрытый тёмно-коричневой поливой с вырезанным на ней растительным орнаментом, как на сосудах из Каракорума [6, с. 256, табл. XXIX, 2], и несколько фрагментов бутылей.

Несколькими экземплярами представлены фрагменты голубых селадоновых чаш и чаш с орнаментом «цек», или «краклэ», в виде трещинок на поверхности глазури. В единичном экземпляре встречены фрагмент кувшина с росписью кобальтом, таким же блеклым, как и на обломках сосудов из Каракорума [6, с. 248, 249, табл. XXVIII], и обломок сосуда, орнаментированный белой глазурью на сером фоне, полученном путём выскабливания глазури с полей фона между деталями узора.

Несомненно, что жители города занимались скотоводством, ремёслами (выплавкой и обработкой железа и ткачеством), а также земледелием. Последнее обстоятельство не должно удивлять. Оседлое население, занимавшееся земледелием, существовало в Монголии уже в начальный период возникновения империи. Как точно подметил В.Л.Егоров, данные об этом содержатся в «Сокровенном сказании монголов», в той части, где говорится о награждении Чингисханом своих сподвижников после прихода к власти [7, с. 39, 40]. Там великий хан велел «родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям: выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми» [32, § 203]. Население, пользующееся деревянными дверьми, и есть оседлые земледельцы. Хлебопашество в Монголии началось ещё при жизни основателя империи и по его личному указанию, им занимались не только крестьяне, захваченные в плен в северном Китае, но и монголы. Известен случай, когда Чингисхан приказал двум монгольским племенам сеять хлеб [22, с. 140, 141; 36, с. 92, 93].

Особо отмечу находки, сделанные на месте раскопа 3 площадью 128 м², справа от въездных ворот ханской усадьбы. Там была открыта свалка строительного мусора, в которой нам удалось обнаружить несколько обломков и 3 почти целых концевых диска от нижней черепицы крыши, а также фрагмент концевой части верхней черепицы, соответствующей по диаметру найденным дискам. 2 подобных диска в переотложенном состоянии были найдены С.В.Киселёвым и в 1959 г. Он счёл их примитивный орнамент характерным для «танской эпохи на Дальнем Востоке, в уйгурских городах на территории Монголии» [9, с. 43, рис. 16]. Замечателен один

Рис. 6. Голова протомы дракона. Гранит. Кондуйский городок (XIV в.)

из дисков, пока не имеющий аналогий. На нём изображена морда зверя из семейства кошачьих, возможно тигра, о чём свидетельствуют хорошо проработанные справа бороздки, по-видимому, обозначающие усы, да и брови у него подчеркнуты явно чрезмерно для человеческих. Эти концевые диски, за исключением последнего, действительно очень сходны с дисками из Орду-Балыка – уйгурской столицы на р. Орхон 750/751–840 гг. [12, с. 166, рис. 6; 33, с. 86, рис. 3, 1, 3, 5], и это позволяет полагать, что древнемонгольский город был возведён на месте уйгурского города. Возможно, именно ко времени существования этого города относится использованный вторично фрагмент доски из лиственницы, найденный в предматериковом слое раскопа 2 на территории усадьбы 1, датированный в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН VII–IX вв. Ле-6162, 1260 ± 50 BP (лет т. н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 670–800 гг. (1,00) cal AD (1 σ , 68,2 % вероятности), 660–880 гг. (1,00) cal AD (2 σ , 95,4 % вероятности).

В 2002 г. нами было начато изучение топографии Кондуйского городка, расположенного в 60 км к северо-западу от города Есунгу в Борзинском районе Читинской области С.В.Киселёв датировал памятник XIV в. И, учитывая новую верхнюю дату города Есунгу, вполне возможно, что он тоже принадлежал к улусу потомков Джочи-Хасара. Подъёмный материал отсюда представлен фрагментами черепицы и кирпичей, покрытых зелёной и жёлтой поливой, найденными на территории дворца, и головой протомы дракона (рис. 6), украшавшей один из его углов, обломками черепицы с чёрной поливой от одного из флигелей дворца, обломком чаши типа «цычжоу-яо» с коричневой росписью по белому фону, бронзовой орнаментированной накладкой (рис. 5, 12), обломком бронзового котла и чугунным зубилом (рис. 3, 13).

В 2001 г. нами был найден четвёртый в Восточном Забайкалье (после открытых в 1724 г. Д.Г.Мессершмидтом города хана Есунгу, Кондуйского городка и поселения Ноцуй, обнаруженного в 1889 г. А.К.Кузнецовым [16, с. 46]) памятник оседлой культуры монголов – усадьба дворцового типа в пади Алестуй, в 10 км к северу от города Есунгу. Усадьба представляет собой остатки здания размерами 20 x 30 м, нижние черепицы и отливы, собранные на его поверхности, аналогичны обнаруженным С.В.Киселёвым при раскопках в 1959 г. ханского дворца. Постройку окружают невысокие стены, образующие квадрат 75 x 75 м. С севера

к усадьбе примыкает огороженная площадка 35 x 70 м, а к ней с запада в ограде (25 x 25 м) – ещё одна небольшая постройка. По-видимому, это была загородная резиденция хана. Но если размеры этой усадьбы (0,8 га) уступают площади ханской усадьбы в городе Есунгу (2,25 га), то визуально дворец явно больше – 600 м² против 300 м².

Отметим находку в 17 км к северу от города Есунгу и в 4 км к западу от усадьбы Алестуй, в пади Дзерен части памятной буддийской колонны из серого гранита в форме усечённого конуса высотой 91,5 см, диаметром основания 40 см и диаметром верхней плоскости 35,5 см. По своей конструкции она очень напоминает часть подобной колонны, поставленной в 1433 г. китайцами в низовьях Амура возле храма Юннин-сы (Вечного спокойствия) в честь бодхисатвы Гуань-инь в Тыре. Возможно, наряду с погребением (открытого С.В.Киселёвым) мальчика в одежде ламского покрова в могильнике при городе Есунгу [8, с. 127; 11, с. 57] это свидетельство гораздо более раннего, чем принято считать, проникновения буддизма в Забайкалье.

Ещё 2 поселения были найдены в 2002 г. На одном из них в 20 км к северо-западу от города, в пади Казачья собрана керамика, аналогичная найденной в городе Есунгу. Возле этого поселения зафиксирован средневековый могильник из более чем 20 обложенных камнями могил. Второе поселение расположено в 15 км к северо-западу от города в пади Широкая. Здесь зафиксированы 3 сохранившихся и не менее 5 уничтоженных распашкой жилищ с канами. В одном из распаханых жилищ найдены бронзовые календарь (рис. 5, б) и колокольчик.

Полученные нами материалы убедительно свидетельствуют о переходе значительной части населения Восточного Забайкалья в XIII в. к оседлости. Число открытых там поселений монголов в короткий срок достигло 6, и 2 из них были городами, где успешно развивались ремесло, торговля, скотоводство и земледелие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банзаров Д. Собр. соч. Изд. 2-е, доп. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 240 с.
2. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.
3. Воробьев М.В. Денежная система чжурчжэней (династия Цзинь) // Страны и народы Востока. Вып. 8. М.: Наука, 1969. С. 99–112.
4. Евтюхова Л.А. Древнекитайская керамика из Кара-Корума // Сов. археология. 1959. № 3. С. 179–193.
5. Евтюхова Л.А. Изделия различных ремёсел из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 274–296.
6. Евтюхова Л.А. Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 216–273.
7. Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII–XIV вв. // История СССР. 1969. № 4. С. 39–49.
8. Киселёв С.В. Город монгольского Исункэ в Забайкалье // Сов. археология. 1961. № 4. С. 103–127.
9. Киселёв С.В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 23–58.
10. Киселёв С.В. Дворец в Кондуе // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 325–369.
11. Киселёв С.В. Древние города Забайкалья // Сов. археология. 1958. № 4. С. 107–119.
12. Киселёв С.В. Из истории китайской черепицы (В связи с изучением древних городов Монголии, Сибири и Дальнего Востока) // Сов. археология. 1959. № 3. С. 159–178.
13. Киселёв С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 188–215.
14. Кляшторный С.Г., Султанов Г.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. 320 с.
15. «Краткие сведения о чёрных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина // Пробл. востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.

16. Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток, 1925. 64 с.
17. Кычанов Е.И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государстве кочевников) // *Mongolica*: К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. С. 148–156.
18. Майдар Д. Три карты городов и поселений Монголии (Древние, средневековые и начала XX века). Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1970. 136 с.
19. Минерт Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // *Древние культуры Монголии*. Новосибирск: Наука, 1985. С. 184–209.
20. Минерт Л.К. Монгольское градостроительство XIII–XIV веков // *Центральная Азия и соседние территории в средние века*. Новосибирск: Наука, 1990. С. 89–106.
21. Момбекова А.А., Кобзоева Е.В. Ткацкий станок первой половины XIV в. из Твери // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 14. Новгород, 2000. С. 342–349.
22. Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Перевод и исследование. М.: Наука, 1965. 224 с.
23. Наваан Д. Клад железных предметов из Хара-Хорина // *Монгольский археологический сборник*. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 63–64.
24. Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 156 с.
25. Пэрлээ Х. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // *Древняя Сибирь*. Вып. 4. Новосибирск: Наука, 1974. С. 271–274.
26. Рашид-ад-дин. Сб. летописей. Т. 1, кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
27. Рашид-ад-дин. Сб. летописей. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 249 с.
28. Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // *Плано Карпини, де. История монголов*. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. С. 87–270.
29. Сираиси Н. Археология Чингис-хана = Чингису-кан-но-кокогаку. Токио, 2001. 238 с. (Яп. яз).
30. Смирнова Л.И. Проколки. Хронология и функциональное назначение // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 142–162.
31. Смирнова Л.И. Проколки (хронология и функциональное назначение) // *Археол. вести*. 2000. № 7. С. 236–246.
32. Сокровенное сказание монголов / Пер. С.А.Козина. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 148 с.
33. Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // *Центральная Азия и соседние территории в средние века*. Новосибирск: Наука, 1990. С. 84–89.
34. Цендина А.Д. Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джмбадорджи // *Mongolica-IV*. 90-летию со дня рождения Ц.Дамдинсурэна посвящается. СПб.: Петербург. востоковедение, 1998. С. 30–35.
35. Цзвэндорж Д. Монгольские укрепленные поселения и города // *Archaeological Studies on Trade in the Ancient and Medieval Periods between Sakhalin and the North-East Japan Sea Region*. North-East Asia Intern. Cooperative Symp. Preliminary Pap. Vol. 1. Tokyo, 2004. P. 26–33.
36. Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983. 232 с.
37. Шастина Н.П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука, 1970. С. 435–454.
38. Юань ши = История династии Юань. Пекин; Шанхай, 1958. 676 с. (Кит. яз.).
39. Юрченко А.Г. Яса Чингисхана: нерасшифрованные запреты // *ALTAICA VI*. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 160–190.